

18+

ТЬЕРЕ РАУШ

КОМПЛЕКС КАССАНДРЫ

Тьере Рауш
Комплекс Кассандры

«Издательские решения»

Рауш Т.

Комплекс Кассандры / Т. Рауш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-599687-9

Название этого сборника, как и название открывающего рассказа, восходит к древнегреческому мифу и ситуации, когда достоверное утверждение обесценивается, и человек, который знает о грядущих событиях, не может их предотвратить или убедить других в их реальности. Что скрывается внутри книги? Страх неотвратимости, страх смерти, пограничное состояние между сном и злой реальностью. И доброта, как попытка одолеть погибель и подарить воскрешение.

ISBN 978-5-00-599687-9

© Рауш Т.
© Издательские решения

Содержание

КОМПЛЕКС КАССАНДРЫ	6
МЕРЦАНИЕ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Комплекс Кассандры

Тьере Рауш

© Тьере Рауш, 2023

ISBN 978-5-0059-9687-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОМПЛЕКС КАССАНДРЫ

Лали гадала на страшных картах, окропленных кровью и залитых слезами. Карты казались кривыми, деформированными, посыпанными пеплом, и лицо самой Лали выглядело так, будто глаза припорошило пылью.

В правой руке непременно дымился мундштук, левой она вытряхивала колоду из коробки, давала картам лечь так, как им заблагорассудится. Прищуривалась, всматривалась в пляшущие скелеты, обоюдоострые мечи, кубки, наполненные огнем, кривилась, цокала языком и выносила вердикт. Из сто седьмой люди выходили непременно в дурном настроении, отказываясь верить в сказанное. Нередко возвращались и просили погадать не только на картах, но и на чем-нибудь еще. Лали хмыкала, разбрасывала по столу яшмовые бусины, перья малиновки, крысиные кости. Снова прищуривалась и произносила, медленно, смакуя каждое слово:

- Карты не солгали.
- Погадай на кофейной гуще!

Лали снова хмыкала, шла по коридору, выложенному плиткой в шахматную доску, жестом приглашала неверующего пройти следом. Варила крепкий кофе, и глядя в чашку казалось, что на тебя смотрела темнота, клубившаяся в детстве под кроватью, живая темнота, в которой прятались чудовища.

- Карты не солгали, – повторяла Лали, всматриваясь в россыпь точек гущи.
- Погадай на чем-нибудь еще!

Лали вздыхала, забирала чашку из трясущихся пальцев, широко распахивала глаза, похожие на два лунных камня, тихо шептала:

- Карты не солгали, они никогда не лгут.

Начинались слезы, увещевания, просьбы погадать на чем угодно, только пусть будущее изменится, пусть болезнь отхлынет с первыми лучами солнца, пусть не случится предреченного, пусть беда перекинется на кого-нибудь другого, или, быть может, есть способ убрать нависший над головой топор?

– Вы меня не слушаете, – качала головой Лали. – Гадай я на пене морской, на чешуе змея, затаившегося в водах мирового океана, на ветках деревьев висельников, на гнилых яблоках, на кошачьих черепках, будущее у вас только одно и изменить его не дано.

– Глупости какие, – жарко шептали в ответ. – Если будущее известно, значит, нужно всего лишь найти лазейку!

- Вы умрете в июне от кровопотери и теплый ветер будет играть с цветами у надгробия.

Или:

– Ваша матушка повесится в декабре, в соседней комнате, пока вы будете заниматься куриным окороком.

Или:

- Ваш брат погибнет в автокатастрофе в сентябре, и хоронить будут его в закрытом гробу.

Люди пытались искать лазейку. В июне кто-то старался не покидать стен родного дома, чтобы не напороться на нож в темной подворотне, не стать жертвой пьяной потасовки в баре, которая переросла бы в поножовщину. В декабре кто-то старался не покупать куриные окорока и ни на минуту не оставлять матушку в одиночестве, попрягать веревки и табуретки. В сентябре кто-то старался не садиться за руль, не пользоваться услугами водителей такси, не садиться в автобусы, ни в коем случае не поддаваться на уговоры друзей подвезти до дома.

Только получалось так, что кто-то в июне глубоко распарывал запястье, оказавшись запертым в комнате и решившись выбить витражную створку на захлопнувшейся двери. В декабре чья-то матушка вешалась на кожаном ремне, искусно привязав его к спинке стула,

пока кто-то в соседней комнате раздумывал о покупке куриного окорока впрок, листая приложение для доставки еды, ведь декабрь был на исходе, а запасы продуктов в холодильнике подходили к концу, ибо заранее, исходя из предсказания, окорока не покупались. И в сентябре кто-то замешкался на пешеходном переходе, не заметил стремительно несущегося автомобиля с пьяным водителем за рулем, размазавшего кого-то по асфальту и намотавшего затем на фонарный столб содержимое капота.

Лали рассказывала об этом всем нам и мы в шутку просили погадать на кроличьих лапках.

– Скажи, Лали, – спрашивал Финни, вольготно рассаживаясь в кресле, обшитом зеленым сукном с зелеными жабами, – чего бы тебе больше всего хотелось в этой жизни?

И Лали воодушевленно улыбалась.

– Ой, вы знаете, я так хочу умереть еще раз! – воскликнула Лали, затушив в пепельнице сигарету и выдохнув через тонкие губы остатки синеватого дыма, скопившегося в легких.

– Поймите меня правильно, – поднимала она ладони, смущенно улыбалась, мол, смотрите, руки мои пусты, нет в них ни ножа заточенного, ни удавки, я не причину вреда никому, кроме самой себя, если возникнет острая на то необходимость.

– Умирать интересно, каждый раз смерть очень необычная приключалась и ощущения, соответственно, ни с чем несравнимые. На костре сжигали, – загибала пальцы, призадумавшись. – В озере топили, собак спускали и плоть моя рваным белым мрамором разбрасывалась по снегу, а вместе с плотью и кровь рассыпалась ягодами рябины. Травили за обедом, ужином, душили подушкой.

Финни качал головой.

– А ты бы не хотела, чтобы твоим словам верили?

– Никогда не поверят, – Лали ухмылялась. – Такова человеческая натура. Перед лицом неотвратимого естество сжимается до одной крохотной мысли – вот, вот так я погибну, а если суждено и предначертано, и точно известно когда и при каких обстоятельствах, нужно попробовать обхитрить. Кого только хитрить собираются – мне неизвестно. Самих себя, вероятно.

Я молча курил, разглядывая трехметровый потолок с трещинами.

– Ну, тебе не понять, конечно, – добродушно хихикал Финни. – Это ты столько всего повидала, смерть стала развлечением, не более. Умирать не страшно, когда знаешь, что родишься наново. Знаешь, что терять нечего, боль – только миг, мелькнет и исчезнет, продолжишься дальше. А им жутко.

Дальше Финни начинал рассказывать анекдоты. Скабрёзные, совершенно отвратительные, и глаза его вспыхивали, как угли в потревоженной золе. Лали слушала без особого интереса, на время погружаясь в свои мысли, рассматривая свои пальцы, игралась с завитками сигаретного дыма, поджимала тонкие губы, теребила смоляные кудри с наметившейся проседью. И на мгновение, в свете мелькнувших и исчезнувших автомобильных фар, за ее спиной раскрывались исполинские черные крылья. Такие же под определенным углом можно было заметить и у Финни, и у меня самого.

Финни отправлялся восвояси первым, когда заканчивался запас анекдотов. Он долго обувался, дрожащими пальцами завязывая шнурки на ботинках и рассматривая веснушчатое лицо в коридорном трюмо. Мы уставали друг от друга, но не встречаться не могли, поскольку без таких встреч казалось, что мы нереальны и живем чужие жизни.

Я уходил вторым, тоже задерживаясь на минуту у трюмо. Лали обыкновенно стояла, прислонившись плечом к дверному косяку, скрестив руки на груди.

– Знаешь, – сказала она однажды, подойдя поближе и качнув пальцем кольцо в моей левой мочке, – у того, что происходит со мной, есть затейливое название.

– Какое? – я повернулся, посмотрел на Лали сверху вниз: она едва доставала мне до подбородка.

– Комплекс Кассандры, – Лали печально улыбнулась. – Когда достоверное утверждение обесценивается и когда невозможно убедить других, что предсказания реальны.

– Кто такая Кассандра? – я застегнул куртку.

– Один из древних, плененный красотой дочерью царя Трои, наградил эту прекрасную девушку даром предвиденья. Но Кассандра отвергла ухаживания, и тогда древний ее проклял. Она по-прежнему видела будущее, однако в ее слова никто не верил, Кассандра не могла изменять ход событий или убедить окружающих, что говорит правду.

– Надо же, – пробормотал я. – Но ты не видишь будущее. Ну, в привычном понимании.

– Однако не могу убедить в том, что говорю правда, – повела плечом Лали.

– Не засиживайся до рассвета, – попросил я и она кивнула.

Таких, как Лали, раньше называли ведьмами. Потому ей столько раз пришлось погибнуть.

Да и сейчас нередко вспоминали именно про ведьмовство, глядя на то, как бегло читала карты Лали, как с наигранным вниманием всматривалась в блики на камнях, в тьму кофейной гущи, в хрупкие косточки и шелковые перья. Карты и прочая мишура нужны лишь для маскировки, для соблюдения привычных ритуалов, так прочно вьевшихся в подкорку средне-статистического обывателя подлунного мира. Лали они не требовались, но она упорно играла по правилам чужаков, которые за годы влачения существования среди серых бетонных коробок, пришедших на смену другим обиталищам, так и не стали ни на толику ближе. Беглый взгляд на посетителя и перед Лали разворачивалась жизнь, от самого рождения до смертного одра. Просто для Лали, как и для меня с Финни, время текло иначе. Не линейно, год за годом, постепенно приоткрывая завесу тайны, а вываливая все и сразу. Для нас не существовало прошлого или будущего, только одновременность. Сейчас и зажигались в небе самые первые звезды, и они же задыхались во мраке, чахоточно поблескивая в предсмертной агонии. Молодая яблоня в цвету была и ростком, пробившимся сквозь плодородную почву, и засохшим пнем посреди сада. Каждый человек являлся и дряхлым стариком с деменцией, и ребенком, корпевшим над раскраской, и младенцем, визжавшим в колыбели.

Только Лали обратила это в заработок, я и Финни предпочитали обходить стороной лишние контакты с людьми. У меня раскалывалась голова, когда наваливалось бесчисленное количество образов, голосов, пристальных взглядов – люди чувствовали, что их слой за слоем рассматривают со всех сторон, начинали неосознанно злиться, проявлять враждебность. Лали приноровилась, потому никаких неприятных последствий не получала. Вероятно, секрет заключался все в тех же ритуалах с картами и камнями. Она просто рассеивала внимание, не давая себе зацепиться и утонуть.

Финни на улице носил темные очки в любое время суток, затыкал уши наушниками, чтобы никакие отголоски не смогли выдернуть его из созданного кокона, хотя время от времени любопытствовал и вылезал из него. Я выбирался из дома очень редко, исключив из своего окружения телевизор и радио. Интернет, к сожалению, требовался для заработка.

Жилось неплохо, я бы даже сказал лучше, чем могло быть. Особенно меня занимало чтение на довольно простом языке, который люди считали международным. Наш язык, злой, колючий, с кусачими звуками и длинными предложениями, постепенно вытеснялся на второй план. Практиковать его только с моими товарищами становилось скучно. Финни не пользовался языком принципиально, с зубным скрежетом выдавливая из себя слова, Лали взаимодействовала с родом человеческим и радовалась певучим, ласковым предложениям, на которых ни споткнуться, ни запнуться. Ей нравилась местная литература, нравились фильмы. Она

частенько отправлялась на ночные киносеансы, замороженно ловя каждую реплику актеров, восхищаясь плавными диалогами, жадно вбирая в себя мерцание экрана. Иногда я отправлялся вместе с ней, составить компанию, и пока она погружалась в сюжеты, я разглядывал потолок. Он очень отличался от потолка в моей квартире, от потолка в квартире Лали. Красно-золотой, с тяжелыми хрустальными люстрами. На задних рядах обжимались парочки, громко хихикали, разбрасывали карамельный попкорн по грязному полу.

После фильма мы тащились в китайскую забегаловку неподалеку от кинотеатра. Лали обычно брала острую лапшу со свининой в сладком соусе, я привычно сиотрел в узорчатую пиалу с густым, наваристым супом. Над головами шелестели бумажные фонарики, безуданно хлопала входная дверь и заливался звоном колокольчик.

– Интересно, видят ли они нас? – в один из таких походов спросила Лали, крутя головой и рассматривая редких посетителей. За огромным аквариумом, в котором сновали рыбки, сидел мальчишка, припав лицом к стеклу.

– Конечно, – кивнул я. Мальчишка уставился прямо на меня, и я отвернулся.

– Нет, настоящих нас, – Лали ловко накрутила на палочки лапшу.

– Кто-то да видит.

Подали чай. Тонкие руки миловидной девушки положили рядом с пузатым чайником печенья с предсказаниями. Мальчишка высунул голову из-за аквариума и вытаращился так, что я побоялся, будто его глаза выпадут. Он стоял, разинув рот. Я заерзал на месте, шепнул:

– Там пацаненок пялится.

Лали обернулась и мальчишка побледнел. Она улыбнулась, ребенок поспешил снова спрятаться за аквариумом. Я отвел глаза, чтобы не видеть его сменяющиеся лица. С ребенка на молодого мужчину, с ребенка на сморщенного старика. Лицо старика окутал густой дым, рот ощерился в хитрой ухмылке.

– Пусть, – ее улыбка стала шире. Лали повела плечом и на мгновение мне привиделись черные крылья, светящиеся золотые локоны, распустившиеся до самого пола, руки удлинлись, ногти заострились и превратились в антрацитовые когти. Показался хвост, птичьи лапы заменили ноги, а лунные камни в глазницах запылали огнем. Кожа Лали покрылась бронзой и как прежде на лбу и щеках проступили рисунки. Наваждение вспыхнуло и пропало, передо мной сидела гадалка из сто седьмой квартиры в безразмерной толстовке с капюшоном, вельветовых брюках, стоптанных кедах.

– Ужасно хочется полетать, – Лали отправила в рот кусок свинины, с чавканьем прожевала, проглотила, облизала губы.

– Понимаю, – устало пробормотал я. Пацаненок снова боязливо высунулся из-за стекла. Возможно, он увидел нас как есть, без прикрас, без напыления смертной оболочки. Лали вряд ли бы его напугала, а вот я – вполне возможно.

– Скучаешь по дому? – вырвалось само собой.

– Бывает, – Лали вытерла рот салфеткой и на ней остался оранжевый след от соуса. – Здесь тоже получилось неплохо устроиться. Правда, не слишком занятно было жить во времена охоты на ведьм, но умирать... Занятно. Когда меня первый раз сожгли на костре, ух! Такое приятное щекотание и покалывание в ногах. Правда, пришлось потом пожить в пещере и искать новое тело.

Мы никогда не овладевали живыми, это некрасиво и абсолютно лишено уважения к владельцу тела. Подобрать же умершую или умирающую плоть не брезговали. Лали первое время мучилась от угрызений совести, ведь люди, кашляя кровью и еще пытаясь подать голос, смотрели на нас, снизу вверх, жалобно просили о помощи. Мы находили самоубийц, блуждали в переулках в поисках несчастных, которым не повезло нарваться на вооруженного грабителя. Последнее тело Лали нашла на пляже – женщина утопилась и ее вынесло на берег волнами. Я свое обнаружил под окнами многоэтажки. Парнишка выбросился из окна, совсем измучив-

пшсь под прессом череды неудач. Финни набрел на тошого студента под мостом. Физические увечья, вроде свернутой шеи или проломленного черепа, мы восстанавливали без труда. Старались избегать пристрастившихся к наркотикам и прочим веществам, вроде сильнодействующих обезболивающих. Такую дрянь за раз не вывести, отнимало очень много времени.

Старались искать тела до того, как время иссушит их начисто, и старались часто менять города, чтобы родственники и знакомые не узнавали своих воскресших близких.

И эта часть мне нравилась больше всего. Путешествие в новое место, к новым кинотеатрам, китайским забегаловкам, новым сто седьмым квартирам, где Лали гадала на картах, кроличьих лапках и кофе. Дорога змеилась под колесами автомобилей, рассветы расплескивались по верхушкам деревьев, окрашивая их пряным солнцем, а мы сидели в придорожной закускойной, набивая животы бургерами и ледяной колой, рассматривая парковку сквозь заляпанные отпечатками ладоней окна. В таких закускойных варили отвратительный кофе, подавали жирные пончики, официантки хмуро записывали в блокноты заказ, медленно перекачивая во ртах жвачки. Пахло дешевыми сигаретами, грязной половой тряпкой, которой кое-как развезли по полу следы посетителей. Официантки пользовались приторным парфюмом с нотами мускуса и ванили, духи смешивались с запахом немытого тела, взмокшего под синтетической одеждой, не пропускающей воздух. Кожа прела, потела и смердела, под руками имелись влажные круги, на серых, застиранных фартуках виднелись пятна. А я ел и чувствовал себя в безопасности только там, на сто-каком-то километре шоссе, вцепившись пальцами в пластиковый стаканчик и болтая со своими товарищами. В карманах лежали краденые документы и краденые личности, смятые чеки за бензин, брякали четвертаки, шуршали купюры, таяли леденцы в хрустких обертках, молил о пощаде потрескавшийся экран мобильника, соседствуя с острыми зубьями ключей. Лали хохотала над шутками Финни. Он расцветал, точно так же, как и я, переставал сутулиться, расправлял плечи, не прятал глаза и уши. Ничего не грозило, беды остались далеко-далеко позади, вместе со сброшенной оболочкой покоились в земле. Лали с удовольствием беседовала с усатыми владельцами закускойных, усатыми и пузатыми дядюшками, коротавших время за барными стойками и настраивающими старые телевизоры. На экранах плясали помехи, звуки искажались, трещали голоса и бляела музыка. Пели наши сердца, слившиеся с сердцами покойников, обвившие их и заставившие биться быстрее прежнего. Пели и мы, вернувшись в машину и повернув ключ зажигания.

Мальчишка нашел в себе храбрость выползти из-за аквариума и подойти поближе, робко подергал Лали за рукав. Встревоженно залепетал о чем-то на неизвестном нам языке, указал пальчиком на дверь, протянул несколько шоколадных конфет. Кажется, они немного подтаяли, но Лали с благодарностью приняла угощение, потрепала мальчонку по волосам и тот благоговейно провел пальцами по воздуху за ее спиной. Наверное, попытался прикоснуться к крыльям. Да, вероятно, рассмотрел как следует. Дети такое умели. Я сидел, стараясь не шелохнуться, чтобы не спугнуть, и отвернувшись, чтобы не прикасаться к видениям, но краем глаза все же зацепился за пылающее марево чужой жизни. Вереница обшарпанных квартир, нищета, опиумные курильни, кипы книг, чернила, вогнанные под кожу нестерильной иглой, драки, разбойные нападения, грабежи, смерть первенца, россыпь драгоценностей на потертой столешнице, задушенная молодая женщина на распоротом матрасе, ворох бумажных денег с каплями крови, пытки. Оскопление, оглушающий вопль, снова деньги. Спасенный приют для бездомных животных. Изрезанные черные крылья. Я мотнул головой и все рассеялось. Внутренности как будто льдом сковало.

Ребенок украдкой мазнул взглядом по моему лицу, сглотнул, снова прикоснулся к Лали.

– Не бойся, – она покопалась в карманах толстовки, достала связку ключей, сняла с них брелок в виде единорога и вложила в ладонь мальчишки. Тот помотал головой, но она указала

на конфеты, жестами показала, мол, равноценный обмен. Пацаненок закивал, шмыгнув носом и побрел обратно, наблюдать за рыбками, то и дело проверяя не ушли ли мы. Я нахмурился, в глазах снова закрутились картинки. Нет, не может быть.

– Давай-ка расплатимся за поздний ужин и пойдем, – предложил я, достал кошелек. Лали согласно кивнула. На меня навалился животный ужас, нестерпимо хотелось убежать как можно дальше.

На улице моросил дождь. Лали подставила лицо под капли, прикрыла глаза.

– Пошли, – угрюмо буркнул я, переминаясь с ноги на ногу. Почему-то поведение мальчишки меня насторожило. В голове поселилась навязчивая идея зайти к Финни, забрать его, сесть в машину и укатить за сотни километров от города, побросав в багажник скудные пожитки.

– Ты тоже видела? – выпалил на ходу я, когда мы с Лали свернули на углу. Лали поджала губы.

– Видела. Но изменить мы ничего не в силах.

– Крылья тоже?

Лали икнула от страха.

– Нет.

– Надо зайти к Финни и немедленно уезжать. Мальчишка наверняка из них.

– Почему тогда не позвал никого?

– Не знаю, может, пока не успел еще приобщиться.

– Он нервничал, показывал на дверь, – вспомнила Лали.

Финни дома не оказалось. Я с досады ударил кулаком по стене, заметался по тесной комнатке. Лали бросилась к шкафу, вытащила дорожную сумку, накидала туда вещи, которые Финни носил чаще всего. Ринулась к тумбочке, выгребла все деньги. Я набрал номер Финни.

– *Абонент недоступен, попробуйте перезвонить позже*, – металлическим голосом отчеканила бесплотная женщина. Из квартиры Финни мы дошли до парковки у дома Лали. Пока я ждал в машине, Лали поднялась к себе, сгребла необходимое в охапку, спешно вернулась.

– К тебе теперь?

– Нет, – отрезал я, – деньги при мне, необходимое куплю по дороге. Нужно найти Финни.

Самый юный из нас, Финни питал страсть к библиотекам и иногда – к вечеринкам, на которые просачивался, подобно тени сквозь приоткрытое окно. Каждому, кто сомневался в наличии приглашения, Финни вешал лапшу на уши. Мол, я пришел вот с той рыженькой. А рыженькой он говорил, что прибыл с верзилой из спортивной команды.

Я сжал руки на руле. Если Финни сейчас среди поддатой публики, то шанс найти товарища стремился к нулю. Ночь с пятницы на субботу цвела и увядала в попойках, в шумных компаниях по всему городу.

– Позвони ему еще раз, – попросил я, выворачивая с парковки. С пятого раза металлический голос сжалился, сменился длинными гудками и после третьего гудка Финни ответил.

– Где ты?! – взвизгнула Лали. Трубка разразилась воплем – Финни старался перекричать громкую музыку.

– Поняла, сейчас приедем, – Лали закивала, посмотрела на меня. – Он недалеко от той закуской.

Она сообщила точные координаты и я втопил в пол педаль газа.

У бара курила компания парней в куртках с нашивками одного из университетов, надурной склонился мужчина средних лет. Содержимое желудка выплеснулось поверх мусора, парни захохотали, затем сочувственно предложили вызвать такси. Мужчина отмахивался, намереваясь присесть в лужу и загваздать брюки песочного цвета. В бар занырнула стайка

женских фигур, одетых в костюмы, имитирующие национальные одежды восточных стран. На лицах – маски, в тугих прическах поблескивали золотистые шпильки.

– Звони Финни, – я кусал губы. Мотор глушить не стал, дожидаясь товарища. Он бы уселся позади и мы в срочном порядке, до рассвета, покинем город. Я неотрывно наблюдал за входом в бар и обмер, увидев, как в бар прошмыгнул тот пацаненок из забегаловки. Он вывел Финни, озираясь по сторонам, утащил его в переулок. А следом из бара выпорхнули женские фигуры со шпильками в волосах.

– Вот дерьмо, – я обмер и выскочил из машины. Лали подскочила как ужаленная, выбралась тоже.

В переулке не оказалось ни Финни, ни ребенка, ни женщин. Я схватился за голову, чувствуя, как кровь отхлынула от лица.

Оглушающий вопль.

Лали встрепенулась и ухватила меня за руку, потащила на звук.

Таких, как мы, всегда преследовали, чтобы добыть самое ценное, что у нас имелось – сердца и кровь, полагая, будто это поможет перенять способность находиться в одновременности, видеть сразу и прошлое, и будущее. В древности нам поклонялись как божествам, пока не поняли, что нас можно убить и мы вовсе не бессмертны. Мы стали прятаться, сначала просто скрываясь вдалеке от стремительно развивавшихся цивилизаций, потом за оболочкой мертвых тел. Только те, кто испил нашей крови, знали как охотиться, словно чуя нас за версту. Передавали знания дальше, учили детей, торговали знаниями, продавая их за бешеные деньги. Спасало только то, что со временем сила в них иссякала, поскольку нас становилось все меньше и пополнить запасы не удавалось. Семейные древа редели, а с ними и слабел нюх.

Мы бежали, перепрыгивая через лужи. Неоновые огни слились в одно сплошное пятно. Дождь усилился, обрушившись на землю непроходимой пеленой.

Даже выстроив мегаполисы, они не унимались, стараясь выискать лакомый кусочек в толпе, науськивали детей, более восприимчивых и тонко чувствующих.

Финни сидел на корточках, забившись в угол, прислонившись к грязной стене, исчерканной краской из баллончиков. Женские фигуры кругом обступали его и... мальчишку из забегаловки, который что-то верещал на своем родном языке, загорюничав собой нашего товарища.

– Аж трое, славный улов, – раздалось сзади. Те самые парни в куртках с университетскими нашивками. Тот самый мужчина, который блевал в урну.

– Уберите пацана, – велел он, достал из нагрудного кармана джинсовки кинжал. У меня потемнело в глазах. Ритуальный кинжал из кости первого растерзанного, первого пойманного. Голова закипела от нахлынувших видений.

Мальчишка заорал, когда к нему подступились женщины.

– Лали, помоги Финни, – попросил я и Лали метнулась к скулящему от боли Финни: он практически полностью сбросил плоть, явив крылья, зеркальную кожу и глаза из изумрудов.

Придется сбросить и мне.

Ненависть вспыхнула, затем превратилась в раскаленный добела металл, метнувшийся по жилам. Она поднималась от самого сердца, скорбящего о каждом истерзанном, каждом растащенном по кусочкам, по косточкам. Сначала медленно, затем превращаясь в поток, готовящийся сметать любого на своем пути. Выжгла изнутри и скинула ошметки плоти несчастного

юнца, в чьих угасающих глазах отразился я, наклонившийся к лицу, на котором перед смертью застыла удивленная улыбка.

Женщины отшатнулись, и бросились врассыпную, когда услышали рев. Мужчина в песочных брюках замешкался, мощный хвост с шипами снес ему голову в мгновение ока. Возможно, он даже не успел почувствовать боли. Ритуальный кинжал с глухим стуком ударился об асфальт.

В желтых глазах с вертикальным зрачком на секунду отразились ошеломленные лица парней в куртках с нашивками, прежде чем пасть с частоколом треугольных клыков пожрала и проглотила эти лица. Бездыханные тела обмякли, безжизненными тюками попадали рядом с кинжалом.

Я выпустил кишки женщинам в масках, нагнал всех, кто успел убежать или спрятаться за мусорными баками. Трещали позвоночники, хлопали располосованные мышцы, хрустели хрящи. Мареву жизнью билось в агонии и затихало, как затихали еще вибрирующие от криков голосовые связки, исчезнувшие в моей глотке.

Когда стихла последняя в маске, я вернулся к Лали и остальным. Мальчишка трусливо хныкал, вжавшись в стену.

– Нужно уезжать, – с трудом ворочая нечеловеческим языком, прохрипел я. Пацаненок заскулил и повалился навзничь – в животе зияла дыра. Наверное, задел хвостом, беснуясь в узком переулке. На губах вздувались и лопались красные пузыри. Лали присела возле него, погладила по голове. У ребенка закатились глаза. Пропала нищета, смерть первенца, оскотление, задушенная женщина, лицо дряхлого старика в дыму, деньги. Приют.

– Забери, – Лали прошептала, кивнув на мальчонку. – В таком виде как сейчас ты точно никак не скроешься.

Она села рядом с ним, всхлипнула, положила ладонь на холодеющий лоб.

Я опустил голову на длинной шее, взглянул на свои лапы и блестящие когти. Расправившись с охотниками за нами, я подверг нас всех еще большей опасности, оставив след из месива. По этому следу придут другие.

Я ухватил мальчишку за голову, обвил тельце хвостом, прижался грудной клеткой. Закрыв глаза, чувствуя, как остановившееся сердце вновь затрепыхалось.

Пожилая официантка поставила передо мной тарелку с бургером, стакан ледяной колы, умилилась розовощекому мальчугану, потрепала за щеку. Лали сидела, подперев голову рукой, Финни, которому пришлось по дороге перебраться в повесившегося на обочине мужчину, вяло жевал пончик, игрался с ритуальным кинжалом. Он завороченно смотрел на поблескивание рукояти, удрученно молчал.

Лали перебирала карты и официантка, заметившая их, когда принесла нам добавку, воскликнула:

– Какие затейливые! Можете погадать мне?

Лали кивнула, поднимая на нее глаза. Лунные камни в глазницах сверкнули, пальцы ловко перетасовали колоду.

МЕРЦАНИЕ

По трудовому договору и по блеклой табличке снаружи обветшалого здания, рабочий день начинался не раньше девяти утра, однако я прибывал часа за два точно. Вставать приходилось рано, плестись на кухню, чтобы щелкнуть кнопкой чайника, и пока вода закипала, я чистил зубы и смотрел на отражение в зеркале. Замученное, невыспавшееся, постоянно вопрошающее отчего, зачем я так с ним поступаю?

Компанию растворимому кофе в надтреснутой чашке составлял бутерброд из нехитрых, но сытных ингредиентов. Яйца, сваренные так, чтобы не слишком всмятку, однако и не слишком вкрутую, я разминал вилкой в миске, смешивал с перцем и солью, добавлял майонез, намазывал получившуюся густую массу на слегка поджаренный хлеб. Этого вполне хватало, чтобы после девятичасового открытия чем-нибудь перекусить второпях и дотянуть уже до обеда.

После завтрака спешно одевался, хватал рюкзак с обедом, наушниками и прочими необходимыми штуками, вприпрыжку добирался до остановки, поджидал нужный транспорт. Запрыгивал в автобус, набитый до отказа хмурыми теньями, отдаленно напоминающими людей. Людями они станут чуть позже, а пока досыпали, примостившись на плече у соседей, прислонившись к прохладному стеклу или откинув голову назад, посапывая, похрапывая. Кто-то мрачно листал новостную ленту в социальных сетях, кто-то слушал музыку или пытался читать. Я брал наушники так, на всякий случай, обычно просто таращился на смазанные пейзажи за окном.

По пути с остановки до рабочего места я успевал подцепить еще одну порцию кофе, на сей раз не растворимого. Добредал до здания, покосившегося, кажется, от обилия вывесок, глазами находил нашу, стоял ровно столько, чтобы выкурить две сигарет и выщедить кофе до дна. На исходе второй сигареты, из-за угла показывался Яков Филиппович Макабр.

– Доброе утро, юноша, – нараспев произносил он, ставил возле меня небольшой чемоданчик, лез в карман за портсигаром, извлекал сигарету, неизменно просил подсобить и поделиться огоньком. С Макабром я выкуривал третью сигарету, затем извлекал связку ключей, отпирал первую общую дверь, вторую. Мы поднимались по лестнице на второй этаж, где располагался салон красоты, кабинет мануальной терапии и наша дверь. Я проворачивал ключ в скважине, толкал вперед не без усилия, нашаривал левой рукой выключатели. Пока я бродил по коридорам, включая везде свет, Макабр, напевая себе под нос, снимал тяжелое пальто с соболиным воротником, снимал шляпу, со вздохом опускался на скамеечку, переобувался, накидывал поверх повседневной одежды шелковый халат.

– Как ваше ничего, голубчик? – бубнил Макабр, когда я возвращался в прихожую. Он крутился перед зеркалом, словно красна девица, поправлял волосы, подкручивал усы и оглаживал бороду. Выспался, наверное, реже стал оставаться дежурить по ночам.

Макабр носил в левом ухе массивную золотую серьгу, говоря, что это его неприкосновенный запас на случай, когда дела пойдут совсем дурно. Носил на левом мизинце крупное кольцо с голубым апатитом, утягивал поседевшие до белизны волосы в тугий хвост на затылке. Носил накрахмаленные рубашки и широкие твидовые брюки, не забывая ввернуть при разговоре, что я сам одеваюсь, будто пугало огородное. Оставалось только пожать плечами и ответить, мол, какая разница, вы вон, халат накидываете, я и вовсе переодеваюсь целиком. Посетителям нашим до лампочки кто, во что и как одет, а коллегам и подавно.

– Ничего, – глухо отзывался я, оглядываясь по сторонам и проверяя все ли готово в зоне ожидания.

– Ну-с, – потирал руки Яков Филиппович, добродушно улыбался, отправлялся в уборную, потом уходил в комнату для персонала посмолить еще сигаретку перед началом работы, снова уходил в уборную. Мне предстояло подготовить массажные кабинеты, Макабр приводил

в порядок Пэ и Мун, которые, в отличие от нас, никогда не покидали стены здания. Они облюбовали большую комнату в конце коридора. Там Макабр их кормил, играл с ними в маджонг, соорудил небольшую библиотеку и приспособил крохотный телевизор, хотя Пэ и Мун не слишком интересовались происходящим на экране. Без надобности я туда не совался, только заходил прибраться, привести посетителей и побыть в комнате, пока не заканчивался сеанс.

– Ты бы на шее лучше носил, – разок посоветовал Яков Филиппович, заметив тонкий браслет из тугой красной нити с золотым треугольником. Он достал из-за пазухи такой же браслет, только приделанный к кожаному шнуру.

– Какая разница? – пробормотал я, намереваясь проверить список посетителей на сегодня.

– Так он будет спрятан под одеждой и не сорвется в случае чего, – наставительно произнес Макабр, наклонился, достал из чемоданчика стеклянные бутылки с козьим молоком и банку козьей крови, свежий белый хлеб, четыре фарфоровых чашки с витиеватыми узорами. Две чашки для молока и две для крови. Расставил на стойке, рядом с толстенной книгой учета, вернулся к чемоданчику, снова наклонился, достал бумажный кулек. В кулке лежали вываренные до мягкости кости цыплят. Еще я знал, что где-то у Якова Филипповича были припрятаны перченые конфеты из горького шоколада. Он угощал ими Пэ и Мун в том случае, когда посетителей оказывалось слишком много. Способ поднять настроение. Он и меня этими конфетами угостить пытался, правда, я только понюхал и сразу обжег носоглотку, потому вежливо отказался и зарекся брать какие угодно сладости из рук Макабра.

Яков Филиппович уходил в конец коридора, я отправлялся открывать окна для проветривания. Для начала завязывал вокруг пояса передник, натягивал резиновые перчатки, набирал воды в ведро, отправлялся протирать полки, столы и подоконники, следом мыл полы и наводил порядок на полках с маслами, упаковками чая, амулетами, бумажками с молитвами. Чиркал зажигалкой и салон тонул в пряной дымке благовоний. Тлели сычуаньские палочки туи, лаошаньский сандал, амбра, полынь, тибетский ладан – для каждого кабинета свой запах. В зоне ожидания обыкновенно расставлялись спиральные благовония, а к керамическому Будде, наблюдавшего за всем салоном из ниши в стене, я нес конусы для стелющегося дыма. Когда я только устроился на эту работенку, страдал от дикой головной боли, со временем по привычке и стал покупать благовония для дома.

Дым от благовоний маскировал нужду помещения в капитальном ремонте, правда, посетителям как не было дела до нашего внешнего вида, так не было и дела до обстановки. Я же нежно любил поскрипывающие деревянные доски под ногами, старые резные двери, выкрашенные в красный, нанизанные на нити бусины, свисавшие в коридорном проеме. Под настенными панно прятались отходившие обои, занавески скрывали разошедшиеся оконные рамы. Приглушенное освещение бумажных фонариков и неровный свет свечей утаивали потертую мебель. На полках громоздились древние книги, уставшие фарфоровые тигры, грозные драконы, поблескивал цветок лотоса, отлитый из золота, в аптекарском шкафу ожидали своего часа сушеные травы, цветы и полудрагоценные камни.

После основной уборки, я собирался с духом, натягивал на лицо медицинскую маску и отправлялся с ведром и шваброй в конец коридора. Три коротких стука, разрешение Макабра войти. Игнорируя дрожь в коленях, я поворачивал дверную ручку.

Пэ и Мун на подиуме, на мягких подушках, потягивали молоко, пока Яков Филиппович расчесывал их волосы щеткой с натуральной щетиной, смазывал душистым бальзамом с женьшенем и имбирем. Я старался не смотреть на троицу, мыл пол, не поднимая головы. Появлялся тугий узел в области солнечного сплетения, в горле пересыхало. Пэ и Мун неотрывно наблюдали за мной, поворачивая головы. Каждый раз, когда они это делали, до ушей доносился мелодичный звон и перестукивание – украшения приходили в движение.

Наблюдатели молчали, чему я безмерно радовался. Если к благовониям привыкнуть получилось, то к основной золотой жиле владельца салона привыкнуть не вышло. Когда они говорили, по телу бежали мурашки. Голосов как таковых у Пэ и Мун не было. Шепоты, шорохи, переливы птичьего пения, повторение голосов тех, кто когда-либо встречался им на пути. Женщины, мужчины, дети, старики – все они вырывались из глоток.

Лиц их я никогда не видел и даже не знал есть ли у них лица. Вместо привычных человеческих черт я наблюдал две белых маски с прорезями для глаз и нарисованной полуулыбкой. Тела облегали просторные одежды из красного шелка, головы венчали широкие конические шляпы с лентами. Руки Пэ и Мун прятали в рукавах, скрещенные ноги, облаченные в легкие брюки с вышивкой, обвивали хвосты с кисточками на концах, а на ступнях красовались нарядные ботиночки с крупными перламутровыми бусинами.

Я знал про Пэ и Мун только то, что дозволено знать. Хозяин салона привез их из своего путешествия к Нефритовому озеру, называвшемуся раньше Яочи, теперь же именуемое Тяньчи, в котором, согласно легенде, совершала омовение Царица-мать Западного края, хранительница плодов бессмертия. У берегов Яочи росло персиковое дерево, которое лелеяли невиданные создания, и к нему как раз устремился хозяин. Конечно, не для того, чтобы отведать плодов для мгновенного исцеления от жутких головных болей, а для наслаждения видами горного региона, с остановкой в Урумчи, городе, славящимся термальными источниками, великолепными дынями, уйгурской кухней. До Урумчи хозяин не доехал, поскольку обнаружил у подножия гор оголодавших Пэ и Мун. Бедняжки бесцельно бродили, плача и стеная, оплакивая засохшее персиковое дерево. Хозяин благородно предложил им поехать вместе на его родину, в заснеженный городок в другой стране, Пэ и Мун обрадовались, принесли в дар спасителю золотой лотос, и заодно исцелили от непрекращающихся мигреней, охотно пообещали верой и правдой служить своему господину, лечить каждого посетителя.

– Привязались ко мне, – хохотал Константин Иванович, которого Макабр за глаза называл Косточкой. Худой и нескладный, с беспокойной, сбивчивой речью, выпученными глазами, не чета вальяжному Макабру, который говорил складно, неторопливо, внушая умиротворение и спокойствие. Пэ и Мун дозволялось выбираться из своей комнаты только в присутствии Константина, но они сами не торопились наружу, а если и выходили, то когда заблагорассудится, полностью игнорируя наказ хозяина.

К Пэ и Мун очередь всегда былараписана на несколько месяцев вперед, однако иногда в плотный график приемов втискивались те, кто готов оплатить сеанс по двойной цене, который и так стоил бешеных денег. Им давалось буквально десять минут в перерывах между, и выходили они из комнаты если не до конца излечившимися, то с облегченными болями. Подобные посетители являлись главными кормильцами Константина Ивановича, ведь несмотря на наличие других специалистов среди персонала, большой прибыли с них не приходило. При этом Константин Иванович жадничал и не торопился обновлять интерьер салона. Впрочем, лично меня обстановка устраивала, плюс зарплата радовала – тут хозяин не скупился.

Иногда, лежа в кровати перед сном и таращась в потолок, я обдумывал происходившее. Мне не до конца верилось в рассказы хозяина салона, потому что сделанные выводы указывали на заточение Пэ и Мун, вовсе не на добровольную помощь спасителю.

Во-первых, принимая на работу новеньких, Константин выдавал им красный браслет с золотым треугольником. Треугольники эти напоминали лепестки с лотоса, пылившегося на полке среди тигров и драконов. Снимать браслеты запрещалось до истечения срока договора, который заключался на год. Расторгнуть по инициативе работника, конечно, можно, но с подписанием бумаг о неразглашении увиденного.

Во-вторых, перед сеансами у Пэ и Мун такие же браслеты выдавались посетителям, затем возвращались в ящик стола. Кражи хозяин не боялся, шутил, что вещь к нему все равно вернется. Бумаги о неразглашении подписывали точно так же, как и бывшие сотрудники.

И первый, и второй пункт говорили, что существа могли причинить вред без данных обещаний. Но внешне Пэ и Мун выглядели миролюбиво, и ни разу не попытались напасть. Значит, браслеты нужны для иной цели. Я не интересовался, просто принял как должное.

В-третьих, комплект ключей выдавался на месяц только одному сотруднику и на данный момент таким сотрудником являлся я, затем избирался следующий ключник, связка переходила в другие руки. Иногда ключник менялся каждую неделю. При этом распределение обязанностей оставалось прежним, вместо Макабра никто не занимался кормлением и расчесыванием волос, а массажисты не забирали у меня ведро, швабру и телефон. Я был бы не против таскать бутылки с молоком и кровью, ведь Макабр получал больше денег. Пэ и Мун меня не пугали, только неуютно было находиться с ними в непосредственной близости. Хотя им самим я, кажется, нравился.

Однажды, когда я пролистывал книгу учета, выжидая момента отправиться на обед, Макабр отлучился буквально на десять минут, чтобы купить кофе для нас двоих и забрать заказ, сделанный заблаговременно. У меня уже живот сводило от голода и желудок пел китовые песни, в зоне ожидания томился массажист Федька, здоровенный детина на раз вправляющий позвонки огромными ручищами. Федька перебирал журналы, цедил чай, я поглядывал на часы. Взгляд метался от циферблата ко списку посетителей, как вдруг слух уловил тихий звон и постукивание бусин. Я поднял голову и увидел, что передо мной стоял то ли Пэ, то ли Мун – не различить, если честно, хотя Яков Филиппович уверял, что это проще простого. Федька моментально захлопнул журнал, нахмурился и выпрямился, стиснув кулаки.

Существо склонило голову набок, в прорезях маски почудился желтоватый отблеск глаз. Оно выпростало бледно-серые руки с когтями из рукавов, поставило перед моим носом початую бутылку молока, кусок хлеба, чуть поклонилось. Я опешил, ощутив как сердце провалилось вниз, затем быстро спохватился и склонил голову в знак благодарности. Существо бесшумно двинулось обратно в комнату, а Федька хмыкнул.

– Вот образина, – недовольно произнес массажист. – Их в клетках держать надо, не давать так разгуливать!

– Брось, – я взял в руки бутылку. – Он же не сделал ничего плохого, решил поделиться просто.

– Не пей, – брезгливо сморщился Федька. – Мало ли чего там.

– Обычное молоко, – вздохнул я, поднялся с кресла, добрал до комнатки, открыл дверь. Пэ и Мун повернули головы, застыли в ожидании. На ватных ногах я дошел до подиума, сел на колени, поставил бутылку перед существами.

– Спасибо большое, – пугливо забормотал я, – но не могу принять, это ваша еда, не хочу, чтобы вы голодали...

Один из них поднял ладонь, призывая к тишине, я умолк. Он приблизился, положил ладонь мне на голову и прикосновение было теплым, мягким. Послышался хлопок входной двери, донеслись обрывки короткого разговора, торопливые шаги и Макабр рухнул на колени рядом, заговорил на китайском. Судя по интонации, он просил прощения.

Существо убрало ладонь, взяло бутылку и снова вручило мне, несколько раз кивнуло, мол, бери, бери, не переживай. Макабр шепнул:

– Выйди, молоко оставь себе. Иди, поставь чайник, я скоро.

Я еще раз поклонился, пошел в соседнюю комнатку, отведенную под отдых персонала. Яков Филиппович пришел спустя несколько минут. Не кричал, не злился.

– Пэ и Мун забеспокоились, что ты голоден, решили тебя угостить. Не отвергай, пожалуйста, их дары.

– Почему? – удивился я.

– Просто не нужно. Это величайшая честь, немногие удостоиваются такого отношения.

– Они рассердились?

– Нет, что ты. Посчитали тебя очень вежливым и учтивым. Выпей молоко, съешь хлеб, лучшая благодарность за заботу – ее принятие в полной мере.

– Точно, хлеб же еще.

Мы вернулись к стойке, чтобы увидеть, как Федька доедал хлеб, шумно прихлебывая из чашки. Яков Филиппович побледнел.

– О, не сожрали вас? – он чавкал, склонившись над книгой учета.– Много записей на сегодня после обеда чего-то.

– Ах ты! – прошипел Макабр, наливаясь пунцом.– Кто разрешал хлеб трогать?

– Спокойно, Филиппыч, – Федька облизал пальцы.

– Немедленно иди извиняться! – проклокотал Макабр. – Иди!

– Угомонись, папаша, – буркнул массажист. – Не обеднеют от одного куска.

Макабр побледнел.

– Хлеб не тебе предназначался.

Федька крепко выругался, четко давая понять, что в ножки кланяться не пойдет. Макабр поправил воротник рубашки, велел мне вернуться к чайнику, выпить молоко и не высываться в ближайшие полчаса. Уж не знаю, что именно произошло за это время, но Федьку уволили в тот же день.

– Не припоминаю пункта в договоре о дарах Пэ и Мун, – я не слишком огорчился, узнав про увольнение коллеги.

– Не случилось раньше, – вздохнул Яков Филиппович.

Федьке довольно быстро нашли замену, больше ничего из ряда вон выходящего не случилось. Молоко я не выпил, отвез домой и убрал в холодильник.

Дни текли тягучей патокой, ночи – проносились стремительно. Мелькнули и забрезжил рассвет алой полоской на горизонте. Мир для меня давно замкнулся на помещении салона, благовониях и посетителях, домой я приезжал только ночевать. Наличные под подушкой скопились в увесистую пачку, цифры, отображавшие состояние банковского счета, дарили уверенность. В больницу я не заглядывал очень давно, изредка подумывал записаться на прием, но пока самочувствие позволяло работать – работал. Макабр иногда поднимал разговор, мол, стоило бы взять выходной и сделать передышку, я отмахивался, потому что время поджимало и заветная сумма уже не за горами.

Телефонные звонки, записи в книге учета. Раз в неделю обязательно звонил человек, решивший воспользоваться услугами интимного характера. Дурная слава подобных заведений бежала впереди них, попутно зацепляя нас. Голоса, томное придыхание и просьбы менялись, намерения оставались такими же. Меня эти звонки забавляли. Поначалу старался донести, разжевать, опровергнуть стереотипы, потом стал отвечать коротко и меланхолично, лениво перекатывая слова во рту, будто мятную жвачку.

Посетители сменяли один другого, все разные и все одинаковые. К массажистам приходили высокие, плечистые спортсмены, чтобы снять груз с уставших мышц, приходили красивые стройные женщины, чтобы сохранить молодость и упругость тела, приходили женщины пожилые, чтобы размять задеревенелые спины, приходили сморщенные старики, чтобы размять ступни. К Пэ и Мун редко прибывали на своих двоих. Трости, костыли, инвалидные коляски. Маленьких детей приносили на руках. Кто-то шел сам, пытаясь держаться за остатки независимости и самостоятельности, гордо приподнимая подбородок, не давая слабину. Кто-то смиренно опирался на мою руку, сжимая до боли и морщась от нее же, простреливавшей

тело насквозь. Кто-то плакал, кто-то глядел перед собой, терпеливо дожидаясь на тахте приглашения в заветную комнату. Исход сеанса предсказать невозможно.

Выходили полностью излечившимися и рыдающими навзрыд от радости, легкости во вновь обретенном теле. Или не выходили, а точно так же выползали не без моей помощи или помощи родных. Боль отступала, для полного освобождения требовалась еще один визит. И дело было вовсе не в деньгах, которые хотел получить хозяин салона. Пэ и Мун сами выносили вердикт, передавая его посетителю через Макабра.

Случалось и такое, что существа отказывались лечить, поскольку ресурса тела больного могло не хватить на сеанс, человек попросту умер бы.

В один из пасмурных осенних дней привели безбровую девочку с платком, покрывавшим лысую голову. Она не жаловалась, не хныкала, поздоровалась, взяла меня за руку, предварительно черкнув на документе свое имя. Ее мама, прихрамывающая женщина с перекошенным от горя лицом, осталась в зоне ожидания заполнять остальные бумаги, нервно теребя носовой платок.

Едва мы с девочкой вошли в комнату, как существа подозвали Якова Филипповича подойти поближе, наклониться, зашептали. Макабр побледнел. Я лишь услышал обрывок.

– Туньши, туньши, – голоса двоились, переливались, перекатывались шорохом листьев, шелестом лент. Макабр улыбнулся девочке, а она отпустила мою ладонь, сделала робкий шаг по направлению к существам, села на колени, поклонилась.

– Здравствуйте, – слабо произнесла она, посмотрела на Якова Филипповича. Тот немного растерялся.

– Я знаю, что меня вылечить нельзя, но мама расстраивается и сильно переживает. Она потратила на мое лечение много денег, потратит много на похороны. Из-за этого мне стыдно, но раз я здесь, то, пожалуйста, исполните мое желание, – девочка говорила спокойно, размеренно. Макабр повторил ее слова на китайском. Существа снова зашептали.

– Чего же ты тогда хочешь, маленькая птичка? – перевел Макабр, а Пэ и Мун выжидающе склонили головы набок. Девочка достала из кармана журавлика, сложенного из розовой бумаги.

– Я принесла вам подарок.

Пэ или Мун протянул руку, жестом подманил девочку. Она отдала журавлика и существо залилось восторженным смехом, от которого я невольно заулыбался. Смех звучал музыкой, звоном хрусталя, пением соловья.

– Вылечите мою маму, пожалуйста. У нее больные ноги.

Существо спрятало журавлика в рукаве, охотно закивало, затем встало, погладило девочку по голове и та расплакалась. Второе создание быстро-быстро затараторило, Макабр едва поспевал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.